

**Истомин М.П.**

## **Байрон**

**Критико-биографический очерк и  
отрывки из произведений Байрона.**

**Пособие для учеников старших  
классов средних учебных заведений**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
М11

- М11 **М.П. И.** Байрон: Критико-биографический очерк и отрывки из произведений Байрона. Пособие для учеников старших классов средних учебных заведений / Истомин М.П. – М.: Книга по Требованию, 2023. – 108 с.

**ISBN 978-5-519-87417-5**

**ISBN 978-5-519-87417-5**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



# Байронъ.

Поэтъ міровой скорби.

## I.

Самымъ крупнымъ представителемъ того направленія въ западно-европейской литературѣ, которое слыветъ подѣ именемъ „Міровой скорби“, является англійскій поэтъ Байронъ. Міровою скорбью въ исторіи литературы принято обозначать направленіе, которое отражаетъ въ себѣ разладъ между теоріею намѣченныхъ человѣкомъ идеаловъ и окружающею дѣйствительностью, часто не только не совпадающею съ этими идеалами, но даже рѣзко съ ними расходящеюся въ жизни. Такое несоотвѣтствіе—обыкновенный удѣлъ людской жизни. Но въ нѣкоторыя эпохи эта дисгармонія ощущается особенно болѣзненно, а именно: когда идеалы намѣчены слишкомъ высокіе, а жизнь протекаетъ въ низменной полосѣ, недоступной этимъ высотамъ. Въ результатъ получается разочарованіе, у нѣкоторыхъ доходящее до отчаянія. Подобное настроеніе въ западно-европейскомъ обществѣ сказалось особенно рѣзко послѣ того поворота, на который вступила французская революція въ самомъ концѣ XVIII и началѣ XIX стол.

Идеализація якобы народнаго правительства при началѣ революціи во Франціи и проистекавшія отсюда иллюзіи къ концу 90-хъ годовъ XVIII вѣка потерпѣли полный крахъ: французскій народъ, еле освобожденный отъ привычнаго ярма, оказался обыкновенною безпощадною толпой, а государственная власть чрезъ посредство революціоннаго террора внутри страны и завоевательныхъ авантуръ во внѣшней политикѣ подошла къ военной диктатурѣ Бонапарта.

Столь яростно налетѣвшій шквалъ народнаго взрыва во Франціи отхлынулъ и ушелъ въ глубину, а на поверхности явились совершенно противоположныя ему теченія. Этотъ крахъ оказался въ нравственномъ отношеніи тѣмъ ужаснѣе, что раціоналистическая и матеріалистическая философія XVIII вѣка распалась прежніе устои религіи, и мыслящій человѣкъ той эпохи оказался совершенно одинокимъ передъ лицомъ этихъ измѣнчивыхъ событій: безъ надежды на общественныя силы для осуществле-

нія своихъ идеаловъ въ этой жизни и безъ религіозной вѣры въ будущую. Въ значительной степени на почвѣ отраженія этихъ контрастовъ и получаетъ преобладающее значеніе то направленіе въ литературѣ начала XIX вѣка, которое извѣстно подъ именемъ „Міровой скорби“.

Обыкновенно полагають, что первые зачатки этого теченія начинаютъ обнаруживаться въ западно-европейской литературѣ еще въ концѣ XVIII вѣка съ появленіемъ гетевского Вертера въ 1774 г. Но это не совсѣмъ такъ. Міровая скорбь въ поэзіи, подобно тому какъ пессимизмъ въ философіи, представляетъ собою такія теченія въ области человѣческаго духа, вопросительно останавливающегося предъ таинственными загадками нашего бытія, которыя разсѣяны, такъ сказать, во всей извѣстной намъ литературѣ человѣчества. Ноты міровой скорби сильно звучать еще въ литературѣ народовъ древняго Востока; затѣмъ припомнимъ, что религіозно-философское міросозерцаніе такъ называемаго буддизма зародилось въ Индіи на почвѣ крайняго пессимизма. Почти то же мы видимъ у Грековъ и Римлянъ, у которыхъ даже надъ богами тяготѣетъ какой-то таинственный рокъ. Сила этого таинственного рока скорбно отразилась на судьбѣ Гектора и цѣлой Трои, потомъ на судьбѣ Эдипа, Антигоны и многихъ другихъ вѣковѣчныхъ образахъ классической поэзіи. Христіанство, выдвинувъ предъ человѣчествомъ безпредѣльно высокій, божескій идеалъ нравственнаго совершенствованія („Будьте совершенны, какъ Отецъ Вашъ небесный“), полное осуществленіе этихъ высшихъ идеаловъ человѣческаго духа указываетъ по ту сторону земного бытія, которое само по себѣ есть юдоль страданія и плача, ибо, по словамъ Апостола, „радость о Господѣ есть печаль о мірѣ“...

Такимъ образомъ идея скорби о мірѣ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть разсматриваема, какъ исключительная особенность западно-европейской литературы конца XVIII вѣка и начала XIX в. Но, конечно, въ каждый періодъ исторіи міровая скорбь, отражающаяся въ художественномъ творествѣ, какъ равно и въ философіи, запечатлѣна была своими особыми, такъ сказать, специфическими чертами въ зависимости отъ міровоззрѣнія, сложившагося на почвѣ данныхъ историческихъ условій. Тѣмъ не менѣе почти повсюду и всегда отличительной чертой поэзіи „Міровой скорби“ является превознесеніе личности, стремленіе поставить эту личность на высокій пьедесталъ посреди рядовой толпы обыкновенныхъ смертныхъ, или такъ называемый

индивидуализмъ. Индивидуалистъ выше всего ставитъ свое „я“, противопоставляя его всему окружающему.

Самыми видными представителями направленія, извѣстнаго подъ общимъ названіемъ міровой скорби, въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.в., являются: во Франціи Шатобріанъ, въ Италіи Лепарди, въ Германіи Гейне и въ Англіи Байронъ. Вліяніе послѣдняго сказалося особенно сильно, такъ какъ въ свое время поэзія Байрона считалась самою популярною въ Европѣ. Не даромъ онъ получилъ прозвище „властителя думъ“. Въ Германіи Байрона одинаково славословили и уже старѣющій тогда поэтъ Гете и молодое поколѣніе, считавшее самого Гете реакціонеромъ. Въ русской литературѣ байронизмъ оставилъ яркій слѣдъ во многихъ произведеніяхъ нашихъ величайшихъ поэтовъ: Пушкина и особенно у Лермонтова.\*) Да не только въ литературѣ; среди интеллигенціи, особенно высшаго класса русскаго общества въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX вѣка, какъ видно изъ произведеній писателя Марлинскаго, типы разочарованнаго скитальца Чайльдъ-Гарольда, или таинственно-мрачнаго въ своей любви и ненависти „Корсара“, „Гяура“ и др. стали наиболѣе излюбленными, вызывавшими трепетныя ожиданія со стороны тогдашнихъ дѣвицъ и дамъ и попытки подражанія со стороны кавалеровъ. Въ польской литературѣ отраженіе байронизма мы также видимъ на многихъ поэтическихъ созданіяхъ такихъ корифеевъ этой литературы, какъ Мицкевичъ, Юрій Словацкій и др. Словомъ, это была полоса какого то магическаго, такъ сказать, захватывающаго вліянія поэзіи „властителя думъ“, правда—вліянія болѣе широкаго, чѣмъ глубокаго, но тѣмъ не менѣе неотразимаго. Чтобы объяснить себѣ это вліяніе, намъ нужно остановиться на личности поэта и хотя бы на бѣгломъ очеркѣ тѣхъ условій его жизни и творчества, которыя наиболѣе объясняютъ его идею „Міровой скорби“.

## II.

Джоржъ Байронъ-Гордонъ (послѣдняя фамилія матери) родился 22-го января 1788 года въ Лондонѣ.

---

\*) „Кавказскій плѣнникъ“, „Бахчисарайскій фонтанъ“, „Цыгане“—Пушкина, „Мцыри“, „Герой нашего времени“ и до извѣстной степени „Демонъ“—Лермонтова написаны всецѣло подъ преобладающимъ вліяніемъ Байрона.

Дѣтство будущаго великаго поэта протекало при неблагопріятныхъ семейныхъ условіяхъ. Его отецъ, большой прожигатель жизни, не жилъ съ матерью, представлявшей въ своемъ характерѣ тоже смѣсь причудъ, капризовъ и сентиментальной меланхоліи. Байронъ рисуется намъ, какъ очень красивый мальчикъ, съ тонкими чертами лица, обрамленнаго волнистыми каштановыми волосами, съ завлекательно-грустными голубыми глазами и стройной фигурой, нѣсколько наклонной къ полнотѣ. Внѣшность его отчасти портила болѣзнь, извѣстная въ медицинѣ подъ именемъ дѣтскаго паралича ногъ, отчего одна нога у него была короче другой—физическій недостатокъ, причинившій потомъ изящному франтоватому юношѣ не мало душевныхъ терзаній. Въ характерѣ Байрона съ самыхъ юныхъ лѣтъ рѣзко обозначились черты своеволія, по временамъ приводившія къ дикимъ взрывамъ, когда онъ самъ говорилъ окружающимъ: „не подходите, во мнѣ сидитъ теперь чортъ.“ Это своеволіе, граничившее иногда съ болѣзненною нервною, было очевиднымъ наслѣдіемъ предковъ какъ съ отцовской, такъ и материнской сторонъ, среди которыхъ было не мало людей ненормальныхъ въ психическомъ отношеніи. Едва-ли не самымъ близкимъ лицомъ Байрону въ періодъ ранняго дѣтства была его няня кальвинистка (кальвинисткою была и мать поэта) Май Грай. Отъ матери и особенно отъ няни будущій поэтъ воспринялъ, такъ сказать, первые зачатки религіозныхъ воззрѣній въ видѣ пуританизма. Обстоятельство это необходимо имѣть въ виду, потому что оно объясняетъ намъ въ будущемъ поэтѣ сильное тяготѣніе къ библейскимъ сюжетамъ, почти исключительно ветхозавѣтнымъ и при томъ мрачнымъ, а это составляетъ, какъ извѣстно, отличительную историческую черту кальвинизма. Нѣсколько лѣтъ въ періодъ дѣтства Байрона его мать вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ провела въ Шотландіи. Пребываніе среди дико-величественной и таинственно суровой природы этого края оставило на впечатлительной душѣ ребенка неизгладимый слѣдъ; съ особенной любовью онъ и потомъ уже въ зрѣломъ возрастѣ неоднократно останавливался въ своей поэзіи на этихъ меланхолическихъ воспоминаніяхъ. Систематическаго научнаго образованія Байронъ не получилъ, хотя до поступленія въ Кембриджскій университетъ перебывалъ въ разныхъ школахъ. Изъ всѣхъ этихъ школъ развѣ только модное тогда училище въ Гарроу оставило болѣе прочный слѣдъ на умственномъ обликѣ юноши, познакомивъ его, повидимому, довольно обстоятельно съ поэзіей классической древ-

ности, что и проглядываетъ въ его будущихъ произведеніяхъ. Въ этой же школѣ въ Гарроу практиковались довольно часто среди учащихся, такъ называемыя, соревновательныя упражненія въ декламаци и ораторскихъ приемахъ. Байронъ впервые выступаетъ тутъ съ большимъ успѣхомъ въ качествѣ декламатора и оратора.

По выходѣ изъ этого училища Байронъ поступаетъ въ Кембриджскій университетъ, главный контингентъ студентовъ въ которомъ составляла великосвѣтская англійская молодежь. Пребываніе въ Кембриджскомъ университетѣ въ умственномъ отношеніи не дало Байрону почти ничего, такъ какъ на первомъ планѣ здѣсь стоялъ тогда атлетическій спортъ вперемежку съ разгуломъ тогдашняго великосвѣтскаго англійскаго студенчества. Недостатки систематическаго образованія Байронъ отчасти пополнялъ чтеніемъ книгъ историческихъ, философскихъ и моралистическихъ. Изъ первыхъ нужно отмѣтить англійскаго историка Гиббона, а изъ послѣднихъ на Байрона, повидимому, оказали значительное вліяніе скептицизмъ Юма и сенсуализмъ Локка, но особенно онъ увлекался сочиненіями Жанъ-Жака Руссо.

Съ одной стороны не остался безслѣднымъ холодный, разлагающій скептицизмъ англійскаго мыслителя Юма. Но еще большей волною захватила внутренній душевный міръ будущаго великаго поэта страстная проповѣдь горячаго энтузіаста Руссо, выступившаго въ противовѣсъ скептикамъ и матеріалистамъ XVIII вѣка. Проповѣдь эта съ такою захватывающею убѣжденностью, особенно для юнаго читателя, выдвигала заманчивыя перспективы возрожденія религіи сердца. Разлагающій анализъ скептика Юма и на ряду съ этимъ пламенный призывъ къ возрожденію религіи чувства энтузіаста Руссо всегда какъ-то двоились въ міросозерцаніи Байрона, не будучи въ состояніи ужиться рядомъ, но никогда и не пересиливъ окончательно одно другое.

Характеръ Байрона, какъ вообще у людей нервныхъ и страстныхъ, представляетъ собою сочетаніе крайностей: то онъ предпочитаетъ всему уединеніе и избѣгаетъ встрѣчи съ людьми, то бросается въ самый омутъ жизни. Любовь къ уединенію сказывается въ немъ еще съ ранней юности, когда, напримѣръ, во время пребыванія въ Гарроу онъ цѣлыя часы любилъ проводить одинъ на мѣстномъ кладбищѣ. Послѣ смерти своего двоюроднаго брата Вильяма Джона въ 1794 г. Байронъ получилъ по наслѣдству титулъ лорда, а вмѣстѣ съ нимъ и помѣстье Ньюстедъ-Аббей.

Этотъ замокъ, превращенный изъ бывшаго тутъ нѣкогда средневѣковаго аббатства, съ его дико-величественнымъ пейзажемъ, съ его готическими залами, тонувшими въ полумракѣ цвѣтныхъ стрѣльчатыхъ оконъ, съ средневѣковою галлереею портретовъ, сталъ любимымъ уголкомъ Байрона на родинѣ и оказалъ несомнѣнное вліяніе на усиленіе въ немъ вкуса къ таинственному загадочному. Но и здѣсь уединеніе часто вдругъ нарушалось оргіями въ интимномъ пріятельскомъ кружкѣ. Происходившія тутъ вакханаліи, по всей вѣроятности преувеличенныя клеветою, поставили, что называется, ребромъ вопросъ объ отношеніи Байрона къ такъ называемому великосвѣтскому обществу. Тогдашнее англійское общество—особенно высшее, воспитанное традиціонно на преклоненіи предъ внѣшнимъ этикетомъ и наружнымъ благочестіемъ, часто прикрывавшимъ собою только лишь скрытую подъ спудомъ внутреннюю порочность, не могло простить Байрону его полупрезрительнаго, а иногда прямо вызывающаго отношенія къ себѣ. Поэтъ, упрекая своихъ соотечественниковъ въ лицемеріи и фарисействѣ, въ то-же самое время, по ихъ мнѣнію, бросалъ имъ какъ-бы дерзкій вызовъ своею открыто распущенною жизнью. Тутъ, если можно такъ выразиться, коса нашла на камень. Эти столкновенія опредѣлили многое въ будущей судьбѣ поэта, сдѣлавъ для него очень тяжкимъ пребываніе на родинѣ. Въ нихъ нужно видѣть главную причину того отчужденія отъ окружающей поэта среды, которое и побудило его предпринять свое первое путешествіе. На родинѣ ничто не привлекало его, тѣмъ болѣе, что всѣ его личныя привязанности терпѣли какую-то странную роковую неудачу: изъ небольшого кружка его искреннихъ пріятелей нѣкоторые преждевременно умерли, а его несомнѣнно глубокая, хотя и начавшаяся въ очень юномъ возрастѣ, любовь къ кузинѣ Мэри Човортъ принесла ему тяжелое разочарованіе, когда любимая имъ дѣвушка вышла замужъ за другого и притомъ настолько несчастливо, что впоследствии заболѣла психически. Отголоскомъ этой трагической привязанности, воспоминанія о которой никогда не покидали Байрона, является задушевное стихотвореніе „Сонъ“, написанное уже много лѣтъ спустя въ Швейцаріи „со слезами на глазахъ“; оно можетъ считаться однимъ изъ наиболѣе прочувствованныхъ автобіографическихъ признаній автора-поэта.

Вдобавокъ ко всему отношенія Байрона къ матери становились все болѣе и болѣе натянутыми и, наконецъ, привели къ полному разрыву. А между тѣмъ, несмотря на всѣ острия шерехо-

ватости въ своей кипучей нервозно-возбужденной натурѣ, а можетъ быть именно-то и благодаря имъ, Байронъ такъ жаждалъ участія и привязанности—особенно женской. Предметомъ такой родственной симпатіи, сохранившейся у поэта въ теченіе всей его бурной жизни, является его сводная сестра (дочь его отца отъ перваго брака) Августа, съ которою онъ видался очень рѣдко, но ласку и привязанность которой тѣмъ болѣе цѣнилъ; память о ней онъ тоже увѣковѣчилъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ произведеній. Другимъ не только другомъ, но и почти постояннымъ спутникомъ поэта былъ лордъ Гобгоузъ, сопутствовавшій ему въ первомъ путешествіи на Востокъ; онъ былъ первый въ той весьма небольшой группѣ друзей поэта, которые оставались ему вѣрны до конца, несмотря на все шипѣніе его весьма многочисленныхъ враговъ и завистниковъ.

### III.

Попытки творчества начались у Байрона очень рано. Онъ самъ неоднократно повторялъ: „всѣ конвульсіи у меня обыкновенно разрѣшаются рѣчами“. Въ 1807 г., по настоянію нѣкоторыхъ друзей, Байронъ печатаетъ первый сборникъ своихъ небольшихъ стихотвореній, получившихъ въ послѣдствіи извѣстность подъ общимъ заглавіемъ „Часовъ досуга“. Взятый въ цѣломъ этотъ сборникъ разнохарактернаго состава стихотвореній отъ первыхъ ученическихъ опытовъ до поэзіи отчаянія, хотя и производитъ на читателя неопредѣленное впечатлѣніе, но обнаруживаетъ въ авторѣ несомнѣнные проблески выдѣляющагося уже въ ту раннюю пору таланта.

Вникнувъ ближе въ содержаніе его „Часовъ досуга“, мы не можемъ не отмѣтить въ этомъ первомъ опытѣ его поэтическаго творчества того лейтъ-мотива, который потомъ все съ большей и большей силой выступаетъ въ его поэзіи и, такъ сказать, проходитъ въ ней красною нитью, а именно раздумья о смерти. То онъ берется за перо подъ вліяніемъ предчувствія, что скоро долженъ умереть, то онъ спрашиваетъ, какъ отнесется къ вѣсти объ его смерти любимая имъ женщина, то, наконецъ, пишетъ грустную и въ то-же время ироническую надпись на черепѣ, служившемъ застольною чашею.

„Чѣмъ могъ вызвать такой сборникъ критическіе громы—трудно понять“, говоритъ въ своей извѣстной біографіи Байрона Алексѣй Веселовскій. Если не громы, скажу отъ себя, то шипѣніе и свистъ

со стороны тогдашней публицистической критики, охранявшей чопорно-ортодоксальные взгляды англійскаго общества, дѣйствительно послѣдовали. Журналъ, издававшійся подъ именемъ „Эдинбургскаго обозрѣнія“, въ критической статьѣ силился доказать, что первые литературные опыты Байрона лишены всякихъ проблесковъ таланта; эти критики совѣтовали ему оставить навсегда всякія попытки писать. „Лорда Байрона нельзя раздражать, сэръ, это юноша съ потрясающими страстями“, такъ характеризовалъ будущаго знаменитаго поэта еще въ Кембриджскомъ университетѣ его тьюторъ, или воспитатель. Теперь Байронъ блестяще оправдалъ эту характеристику въ своемъ уничтожающемъ отвѣтѣ своимъ притязательнымъ критикамъ. Отвѣтъ появился въ 1809 г. въ формѣ стихотворной сатиры и озаглавленъ „Англійскіе барды и шотландскіе журналисты“. Поэтъ, вдохновительницею котораго была муза скорби и печали, доказалъ тутъ, что онъ въ совершенствѣ владѣетъ и орудіемъ злой насмѣшки. Несмотря на громкій успѣхъ этого полемическаго произведенія, пережитое столкновение оставило въ юномъ поэтѣ замѣтный слѣдъ. Къ этому присоединились семейныя, сердечныя, отчасти матеріальныя и политическія невзгоды (Байрона встрѣтили въ палатѣ лордовъ весьма холодно). Результатомъ было желаніе поскорѣе уѣхать изъ Англіи и притомъ уѣхать вообще подальше отъ житейской сутолоки крупныхъ центровъ европейской цивилизаціи, столь рѣзко развѣнчанной его вдохновителемъ Руссо. Намѣченъ былъ сообразно съ этими взглядами и самый планъ предстоящаго путешествія: Востокъ съ его менѣе утонченными, но зато и болѣе сохранившимися въ своей первобытной неприкосновенности и простотѣ нравами. Въ 1809 г. Байронъ вмѣстѣ съ своимъ неразлучнымъ другомъ лордомъ Гобгоузомъ выѣхалъ изъ Англіи въ дальній путь; черезъ Атлантическій океанъ путешественники направились на крайній юго-западъ Европы и остановились на нѣкоторое время въ Португаліи и Испаніи, а оттуда по Средиземному морю двинулись на крайній юго-востокъ: сначала въ Албанію, потомъ въ Турцію и Грецію. Это первое путешествіе, продолжавшееся 2 года, а также пребываніе въ двухъ противоположныхъ уголкахъ Европы дали Байрону обильный матеріалъ для будущихъ поэтическихъ произведеній. Въ Албаніи имъ была начата и первая пѣснь Чайльдъ-Гарольда. Въ Албаніи-же Байронъ познакомился и съ знаменитымъ въ исторіи этого края Али-пашею янинскимъ. Типъ этого своеобразнаго восточнаго деспота онъ потомъ мастерски воспроизводитъ во 2-ой пѣснѣ Чайльдъ-Гарольда, въ Донъ-Жуанѣ и въ Абидосской невѣстѣ (Джаффиръ). Въ 1811 г.,

вскорѣ по возвращеніи въ отечество, Байронъ лишился матери. Несмотря на взаимное охлажденіе, наступившее между обоими, смерть матери произвела на поэта потрясающее впечатлѣніе. Вскорѣ за этимъ судьба готовила поэту еще новые удары: почти вслѣдъ одинъ за другимъ въ небольшой промежутокъ времени умерли три друга его юности и двое близкихъ знакомыхъ. Но ужаснѣе всего на него подѣйствовала случившаяся во время его путешествія смерть загадочной Тирзы—нѣжно и глубоко любимой имъ и притомъ любимой, очевидно, безъ примѣси столь обыкновеннаго въ немъ чувственнаго увлеченія. Эту любовь поэту удалось навсегда окружить непроницаемою тайною даже отъ самыхъ близкихъ для себя людей. Тяжкія для поэта утраты видимо глубоко запали въ душу, потому что и по прошествіи значительнаго времени отголоски ихъ слышатся въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, какъ, напр., въ цѣломъ рядѣ меланхолическихъ строфъ 2-ой пѣсни Чайльдъ-Гарольда и въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, небольшихъ по объему, но замѣчательныхъ по захватывающей силѣ лиризма. Въ числѣ послѣднихъ нужно отнести первое мѣсто „Посланію къ Тирзѣ“ и „Euthanasia“, какъ пѣснямъ сердечной муки и горькаго раздумья о неотвратимомъ концѣ, прерывающемъ нить человѣческой жизни. Въ 1812 г. появилась первая пѣснь Чайльдъ-Гарольда, отражающая въ себѣ явные слѣды недавняго путешествія поэта. На долю поэта выпалъ давно небывалый успѣхъ. Байронъ сразу занялъ въ англійской литературѣ первое мѣсто.

Успѣхъ Чайльдъ-Гарольда положилъ начало цѣлому ряду слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, такъ называемыхъ, поэтическихъ разсказовъ, въ которыхъ Байронъ по искусству признается величайшимъ художникомъ. То были опять таки поэтическіе отголоски путешествія по Леванту: „Гяуръ“, „Абидосская невеста“, „Корсаръ“, который считается шедевромъ поэта въ этой области творчества, наконецъ, „Лара“—продолженіе и окончаніе „Корсара“. Давно невиданное очарованіе, произведенное этими поэмами Байрона, создали въ англійскомъ обществѣ, особенно среди дамъ, такъ сказать цѣлый культъ личности поэта. Неудивительно, что такой головокружительный успѣхъ привелъ Байрона къ женитьбѣ на Анабеллѣ Мильбанкъ, хотя по своей нервной кипучей натурѣ онъ совершенно не былъ расположенъ къ спокойной и однообразной жизни въ семьѣ. Бракъ оказался въ концѣ концовъ не изъ удачныхъ: послѣ года совмѣстной жизни супруги разстались. Вскорѣ послѣ этого разрыва Байронъ, заду-

мавъ навсегда покинуть Англію, продаетъ свой любимый уголокъ Ньюстедъ-Аббей и весной въ 1816 г. отплываетъ съ родины съ тѣмъ, чтобы уже никогда не вернуться туда. По Рейну, воспѣтому потомъ въ 3-й пѣснѣ „Чайльдъ-Гарольда“, поэтъ спускается внизъ въ Швейцарію къ Женевскому озеру, гдѣ и поселился въ очаровательномъ уголкѣ на виллѣ Діодати, неподалеку отъ Женевы. Тутъ Байронъ знакомится съ другимъ знаменитымъ поэтомъ своей родины—Шелли. Шелли, болѣе уравновѣшенный по характеру, имѣлъ еще тѣ преимущества предъ Байрономъ, что его философское міросозерцаніе окончательно сложилось на начаткахъ пантеизма, тогда какъ у нашего поэта оно блуждало между скептицизмомъ и спиритуализмомъ. Поэтъ Шелли оказалъ на Байрона несомнѣнное вліяніе. Съ этихъ поръ два поэта дружески сблизились между собою.

Швейцарскій пейзажъ съ его альпійскими великанами и въ Савойѣ (Байронъ всходилъ на Шамони-Монбланъ), и въ Бернскомъ Оберландѣ, гдѣ Байронъ простаивалъ цѣлые часы, любуясь вершиною красавицы Юнгфрау, далъ новую пищу его поэтическому творчеству, какъ раньше безбрежно-величавый видъ моря и океана. Въ сущности среди покрытыхъ облаками и снѣгомъ высотъ и дикихъ ущелій альпійскихъ горъ, такъ гармонировавшихъ съ душевными сумерками, таившимися въ загадочной и сложной натурѣ великаго поэта, и нужно искать импульса къ созданію имъ такихъ мрачно-величавыхъ произведеній, какъ „Манфредъ“ и „Тьма“, а впоследствии „Каинъ“.

Проживъ около года въ Швейцаріи, Байронъ переѣзжаетъ въ Венецію, которая вводитъ его въ новый еще для него міръ—Италію. Слѣдующихъ семь лѣтъ своей жизни онъ посвятилъ изученію Италіи, объѣздивъ тутъ почти всѣ сколько нибудь замѣчательныя мѣстности, кромѣ впрочемъ крайняго юга. Италію съ ея „Ніобею народовъ“—Римомъ, онъ полюбилъ, какъ не любилъ ни одну изъ видѣнныхъ имъ странъ. Во время пребыванія въ Италіи въ Байронѣ происходитъ поворотъ, который въ поэтическомъ творествѣ сказывается по временамъ болѣе свѣтлыми и даже игриво-сатирическими тонами, какъ, напр., въ „Беппо“ и особенно въ „Донъ-Жуанъ“, а въ личной жизни поэта этотъ переломъ выразился переходомъ отъ скорбнаго индивидуализма къ альтруизму. Байронъ начинаетъ съ этихъ поръ обнаруживать интересъ къ общественной дѣятельности; онъ сначала становится въ ряды итальянскихъ патріотовъ—карбонаровъ, а затѣмъ наступаетъ и послѣдній общезвѣстный актъ его многоиз-